

РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ

УДК 94(470):1

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА И САМОДЕРЖАВНОЕ ГОСУДАРСТВО В 60–70-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

И. А. Немцев

СПКК «Кооп-Доверие», 614990, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, 20
ianemtsev@perm.ru

Раскрывается сущность процесса трансформации славянофильства, показывается обусловленность этого процесса изменением политики самодержавного государства после смерти Николая I. Основное внимание уделяется тем составляющим идеологии позднего славянофильства, которые отличали его от раннего (классического) славянофильства и благодаря которым консервативная сущность славянофильства была выражена в позднем славянофильстве более четко, чем в классическом. Отмечается, что черты, отличавшие позднее славянофильство от раннего, в значительной мере появились как результат влияния самодержавного государства на процесс развития дореволюционного российского консерватизма.

Ключевые слова: славянофильство, самодержавие, государство, консерватизм, политика, идеология, эволюция, трансформация, влияние.

Отмена в 1861 г. крепостного права и проведение в последующие годы других важных реформ, затронувших различные сферы государственной и общественной жизни страны в царствование Александра II, знаменовали наступление новой эпохи в истории России. Значительные изменения в жизни страны, произошедшие в результате этих реформ, вызвали трансформацию дореволюционного российского консерватизма, т.е. переход его в новое качество.

Наиболее показательных в этом отношении явилось изменение славянофильского направления консерватизма, поскольку именно оно в наибольшей степени выражало специфику дореволюционного российского консерватизма как течения российской общественной мысли. Трансформация славянофильства на рубеже 60–70-х гг. XIX в., представляла собой закономерное проявление тенденций развития консерватизма в дореволюционной России, обусловленных его характером. Влияние самодержавного государства во многом определило этот характер еще на стадии формирования консерватизма, те его черты, которые отличали его от западного консерватизма. Своеобразие консерватизма дореволюционной России проявилось как в формировании, так и в трансформации славянофильства как направления дореволюционного российского консерватизма.

Исследование консерватизма дореволюционной России, в том числе славянофильства как одного из важнейших его направлений, в ходе изучения характера влияния, оказываемого самодержавным государством на процесс его становления и развития, важно потому, что и в постсоветской России государство оказывает немалое влияние на процесс развития консерватизма, хотя это влияние и не так значительно, как влияние государства на процесс формирования и развития консерватизма в дореволюционной России. Кроме того, некоторые черты, характерные для консерватизма дореволюционной России, присущи российскому консерватизму постсоветской эпохи. Исследование славянофильства как направления дореволюционного российского консерватизма, в котором специфика последнего получила наиболее законченное выражение, и его трансформации имеет большое значение для понимания сущности российского консерватизма дореволюционной эпохи как течения общественной мысли.

Исследователи славянофильства сосредоточивали внимание на тех изменениях, которые претерпела славянофильская идеология в пореформенное время, подчеркивали то обстоятельство, что данные изменения имели следствием выход на первый план тех положений славянофильской идеологии, которые в наибольшей степени выражали ее консервативную сущность. Так, А. Н. Пыпин в труде «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Исторические очерки», изданном в 1873 г. и переиздававшемся несколько раз, в том числе в 1909 г., обращаясь к классическому славянофильству времен царствования Николая I, счел необходимым отметить, что

в дальнейшем консервативные черты, присущие славянофильству с его зарождения, проявились более четко, ибо произошедшие в стране изменения способствовали тому, что содержащийся в славянофильстве консервативный потенциал раскрылся в пореформенное время в полной мере. А. Н. Пыпин полагал достаточно показательным для пореформенного славянофильства то, что тогда «славянофилы не раз говорили в один тон с «Московскими Ведомостями» [Пыпин, с. 348] М. Н. Каткова. А. А. Корнилов в работе «Общественное движение при Александре II (1855–1881): Исторические очерки», охарактеризовав славянофильство как «направление в высшей степени консервативное, старавшееся отыскать и очистить от всего наносного исконные устои русской жизни, чтобы на них основать все социальные и политические свои взгляды и требования» [Корнилов, с. 89], отметил прежде всего преемственность между дореформенным и пореформенным славянофильством, в том числе в идеологическом плане, а также те изменения, которые имели место в идеологической системе славянофильства вследствие поворота политики самодержавного государства в направлении оказания поддержки славянским народам Центральной и Юго-Восточной Европы. Стремление болгар и македонцев к освобождению от турецкого ига и желание сербов и черногорцев, имевших автономию в составе Османской империи, обрести полную независимость, поддержанное Россией, привело в 1878 г. к Русско-турецкой войне, что повлекло за собой новый всплеск интереса в стране к славянам Центральной и Юго-Восточной Европы. А. А. Корнилов отметил связь между указанными изменениями в политике государства и обращением славянофильства времени царствования Александра II к панславизму.

В советское время ввиду того, что концепция тождественности славянофильского учения Г. В. Плеханова и теории «официальной народности» надолго утвердилась в отечественной историографии, обстоятельного исследования славянофильства не проводилось, и при характеристике славянофильства использовались во многом те же идеологические штампы, что и при характеристике других направлений дореволюционного российского консерватизма. Вообще 30–50-е гг. XX в. были временем, когда дореволюционный российский консерватизм глубоко не изучался.

В 60-х гг. XX в. в связи с ростом интереса к общественно-политической мысли дореволюционной России больше внимания стало уделяться дореволюционному российскому консерватизму в целом, и к отдельным его направлениям. В изданной в 1962 г. работе «Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века: Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации» Н. Г. Сладкевич, безосновательно утверждая, что на рубеже 50–60-х гг. XIX в. оппозиционность славянофилов по отношению к государственной власти усилилась, тогда как все было наоборот, все же отметил, что «в дальнейшем своем развитии славянофильство быстро утратило оппозиционность... У славянофилов оппозиционное... поветрие скоро сменилось курсом на тесное сплочение вокруг самодержавной власти всех сил» [Сладкевич, с. 132], противостоявших революционерам и либералам. Н. И. Цимбаев в работе «Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века», увидевшей свет в 1986 г., несмотря на либеральное истолкование славянофильства, все же увидел в нем консервативные черты, которые по мере развития славянофильства обнаружались в нем более отчетливо.

В коллективном труде «Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика», изданном в 2000 г. под редакцией В. Я. Гросула, отмечается то, что позднему славянофильству были присущи ярко выраженные консервативные черты и это обстоятельство отграничивало его от классического славянофильства. Таким образом, эволюция славянофильства в пореформенное время, безусловно, была связана с увеличением изначально содержащегося в нем консервативного потенциала, способствуя тому, что консервативное начало в позднем славянофильстве приобрело ярко выраженный характер.

В работе А. Д. Каплина «Мировоззрение славянофилов. История и будущее России», напечатанной в 2008 г., анализируется мировоззрение славянофилов, детально рассматривается ход становления и развития славянофильства. Доводя хронологически свое исследование славянофильства до начала 60-х гг. XIX в., А. Д. Каплин подчеркивает, что именно в первые годы царствования Александра II основные положения славянофильской идеологии нашли наиболее полное выражение. Следствием данного обстоятельства как и явилась кристаллизация тех базовых положений славянофильской доктрины, которые носили консервативный характер. На этой основе и происходило развитие славянофильства в 60–70-е гг. XIX в. А. А. Васильев в монографии «Государственно-правовой идеал славянофилов», изданной в 2010 г., всесторонне анализирует славянофильскую

доктрину, духовным фундаментом которой являлось православное христианское мировоззрение, уделяя особое внимание славянофильской концепции государства, показывая тесную взаимосвязь данной концепции и отношения славянофилов к праву как социальному явлению. Отводя много места в работе рассмотрению воззрений классиков славянофильства, Васильев отмечает, что деятельность младших (поздних) славянофилов была направлена на популяризацию славянофильских идей, что предполагало прежде всего кристаллизацию основных положений славянофильской доктрины, вследствие чего их консервативная сущность проявлялась более четко.

Необходимо заметить, что исследователи славянофильства и его эволюции в пореформенное время или оставляли без внимания вопрос о влиянии самодержавного государства на трансформацию славянофильства в пореформенной России, либо касались отдельных аспектов этого вопроса. Между тем важность всестороннего изучения вопроса о влиянии самодержавного государства на развитие славянофильского консерватизма обусловлена тем обстоятельством, что это влияние на формирование и развитие консерватизма в дореволюционной России было гораздо более сильным, чем в странах Запада, что способствовало появлению и развитию у дореволюционного российского консерватизма таких черт, которые существенно отличали его от западного консерватизма. Это в полной мере относится и к славянофильству как направлению дореволюционного российского консерватизма, в котором специфика консерватизма дореволюционной России, была выражена, как уже отмечалось, наиболее четко.

Поражение России в Крымской войне, в ходе которой явно проявились слабые стороны проводившегося Николаем I политического курса, вынудило сменившего его на престоле Александра II осознать необходимость реформирования страны и прежде всего отмены крепостного права, тормозившего экономическое развитие России и негативно влиявшего на моральное состояние общества. Александр II понимал важность изменения не только внутренней, но и внешней политики государства. Подчинение Николаем I внешней политики России защите принципа монархического легитимизма в Европе в ряде случаев входило в противоречие с национальными интересами России. Неуклонно проводя внешнеполитический курс на тесное сотрудничество с западноевропейскими абсолютными монархиями, поддерживая консервативно-монархические силы во всей Европе, Николай I не добился признательности со стороны западноевропейских консервативных кругов, проявивших во время Крымской войны стремление ослабить Россию, лишив ее возможности оказывать влияние на европейские дела или существенно ограничив эту возможность. Хотя Александр II был человеком европейски образованным, с европейским образом мысли, при определении внешнеполитического курса государства он должен был исходить из реального положения вещей. В его царствование произошел переход от политики, направленной на поддержку консервативно-монархических сил в европейских странах, к политике, имевшей целью прежде всего отстаивание национальных интересов страны. Для того чтобы обеспечить проведение политического курса, соответствующего национальным интересам России, в основу его следовало положить не идеологический, а национальный принцип.

Именно в царствование Александра II в политике самодержавного государства произошел поворот от отрицания идеи панславизма к ее поддержке, поскольку самодержавная власть сочла, что эта идея соответствует национальным интересам страны. В царствование трех последних самодержцев идея единства исторической судьбы славянских народов, всеславянского единения (панславизма) поддерживалась на уровне государственной идеологии. Признавая всеславянскую общность как одного из важных факторов, который необходимо принимать во внимание при определении политического курса государства, самодержавие учитывало и то, что во время европейских революций 1848 г., в частности, революционных событий в Австрийской империи, славянские народы проявили себя как консервативная сила, которая явилась опорой монархии Габсбургов в их борьбе с революционным движением в империи. В глазах российских государственных деятелей это должно было свидетельствовать о необоснованности опасений Николая I, считавшего национальное движение славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы одним из проявлений заразившего Европу революционного духа. Немаловажным обстоятельством, способствовавшим повороту самодержавного государства в сторону панславизма, явилось стремление, опираясь на поддержку южных и западных славян, усилить позиции России в Европе, существенно ослабленные вследствие поражения России в Крымской войне.

Смена политического курса страны, затронувшая как внутривнутриполитическую, так и внешнепо-

литическую сферы, повлекла за собой изменение в идеологических системах разных направлений российского консерватизма. Наиболее выразительной в этом отношении явилась эволюция славянофильства, приведшая к его трансформации, поскольку, как уже было отмечено, в славянофильском направлении российского консерватизма в наибольшей мере было выражено своеобразие до-революционного российского консерватизма в целом.

Намерение Александра II провести реформы в различных сферах государственной и общественной жизни славянофилами было воспринято с надеждой на то, что приведут к возвращению к самобытным духовным основам. Если приверженцы консерватизма «официальной народности» и их идейные наследники полагали, что реформы должны улучшить систему бюрократического абсолютизма, устранив ее наиболее очевидные недостатки и сделав ее более национальной, русской, впрочем, более по форме, чем с содержательной стороны, то славянофилы считали необходимым для сохранения духовных основ России «стать на русские начала, отвергнутые со времени Петра» [Аксаков, с. 391]. Славянофилы стремились воздействовать на самодержца с целью убедить его проводить реформы, основываясь на российской традиции, в соответствии с самобытными национальными началами, а не исходя из опыта западноевропейских стран. Они всегда были убеждены в том, что «для того, чтобы Россия исполнила свое назначение, нужно, чтоб она поступала не по чуждым ей теориям, а по своим собственным понятиям и требованиям» [Там же, с. 378].

Славянофилы всегда утверждали, что «русский народ есть народ негосударственный, т.е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия» [Там же, с. 376]. С их точки зрения, «залог тишины в России и безопасности для правительственной власти – в духе народном» [Там же, с. 378].

Источник всех бед России славянофилы видели в тех деяниях Петра I, которые были направлены на подрыв духовного фундамента России, ее самобытной культурной основы, и заимствование с Запада не только полезного, но и всего того, что исказило духовный облик России, деформировало традицию и способствовало утрате возможности органично развиваться в соответствии с собственными началами. Вместе с тем, славянофилы признавали, что Петр I придал России много внешнего величия, но, внеся в ее жизнь семена межсословной вражды, разрушив социальную гармонию, присущую России в старые времена, Петр I поразил растлением ее внутреннюю целостность. По убеждению славянофилов, «чем долее будет продолжаться петровская правительственная система, ... тем более будут входить в Россию чуждые начала; тем более людей будет отставать от народной русской почвы, тем более будут колебаться основы русской земли, тем грознее будут революционные попытки, которые сокрушат, наконец, Россию» [Там же, с. 391]. Для того, чтобы избежать этого, необходимо было вернуться к собственным традициям. В частности, правительство должно желать знать мнение народа, как это имело место до Петра I. Славянофилы всегда оставались приверженцами воззрения на то, что сила власти должна в полной мере оставаться у царя, а сила мнения должна принадлежать народу.

Несмотря на то что основные положения славянофильской доктрины оставались неизменными, славянофильское направление российского консерватизма в царствование Александра II начало претерпевать определенные изменения, которые на рубеже 60–70-х гг. XIX в. привели к трансформации славянофильства. Как уже отмечалось, это было обусловлено изменением политики самодержавного государства при Александре II. Эволюция славянофильства в его царствование проходила в направлении усиления и более четкого проявления консервативного характера славянофильской идеологии. Содержавшиеся в славянофильстве со времени его оформления консервативные начала в новое царствование выкристаллизовались в полной мере.

Эволюция славянофильского консерватизма этот период нашла свое отражение в изменении позиции большинства славянофилов по отношению к идее Земского Собора. Если в царствование Николая I славянофилы подчеркивали свою приверженность идее Земского собора как выразителя мнения всей земли в лице представителей ее сословий, то в начале царствования Александра II они в большинстве своем выступили против созыва Земского Собора. Нецелесообразность созыва Земского собора славянофилы объясняли тем, что вследствие деятельности Петра I гармония в отношениях между сословиями ушла в прошлое, а ведь именно она являлась необходимой предпосылкой эффективности деятельности Земского Собора в Московском царстве. Исходя из этого обстоятельства, К. С. Аксаков полагал, что «созывать в настоящее время Земский Собор было бы делом бесполезным. Из кого состоял бы он? Из дворян, купцов, мещан и крестьян. Но стоит написать

имена этих сословий, чтобы почувствовать как далеко они в настоящее время друг от друга, как мало единства между ними... На Земском Соборе должен быть голос всей Русской земли, а сословия дать теперь такого голоса не могут» [Аксаков, с. 395]. Ю. Ф. Самарин высказывал опасения, не лишённые оснований в исторических условиях того времени, что Земский собор в сложившихся обстоятельствах мог превратиться в выразителя дворянских интересов. Мало того, Земский собор мог явиться орудием реализации конституционных устремлений определенных кругов дворянства. Конституция способна лишь навредить России, во всяком случае такая, которая бы имела узкодворянский характер и являлась бы ненародной, а другой конституции в сложившихся исторических условиях, по мнению Ю. Ф. Самарина, быть и не могло. Впрочем, он вообще сомневался в том, что даже народная конституция, если бы ее принятие и явилось возможным в отдаленном будущем, могла бы послужить благу России, поэтому отдавал предпочтение самодержавию как лучшей из возможных форм правления, считая ограничение самодержавной власти нежелательным. Именно поэтому Ю. Ф. Самарин утверждал, что «ограничение самодержавия – дело невозможное. Кроме того... если б оно и было возможно, то мы сочли бы его бедственным» [Самарин, с. 316]. Таким образом, Ю. Ф. Самарин являлся «рьяным поборником самодержавной власти и противником конституционного устройства» [Там же, с. 132]. Он «был убежден, что самодержавию много еще предстоит совершить для блага России» [Каплин, 2011, с. 289].

Приверженцем идеи созыва Земского Собора оставался А. И. Кошелев, «единственный славянофил, сочувственно относившийся к олигархическим притязаниям дворянства» [Цимбаев, с. 213], как раз по той причине, что его воззрения в социальной сфере, а отчасти и в общественно-политической, обнаруживали явную близость к позициям идеологов «аристократического» направления российского консерватизма. Однако взгляды, имевшие четко выраженную продворянскую направленность, не были типичны для славянофильского направления российского консерватизма в целом.

Что же касается основных представителей славянофильского направления российского консерватизма, то они полагали, что для того, чтобы узнать мнение земли, власти можно было бы созывать собрания представителей отдельных сословий по вопросам, касающимся того или иного сословия. Кроме того, славянофилы, как и ранее, призывали дать свободу общественному мнению, общественной мысли, выражаемым словом устным и письменным. Восстановление допетровского, древнего, союза государства с землей на прочном фундаменте коренных устоев, основополагающих русских начал, национальных традиций славянофилы рассматривали как необходимое условие развития России по особому историческому пути, которое должно являться гармоничным, лишённым противоречий, характеризовавших развитие стран Запада. С точки зрения основных представителей славянофильства, созыв Земского Собора в будущем был бы возможным и целесообразным лишь тогда, когда вследствие возвращения на обусловленный основополагающими национальными началами самобытный путь развития была бы восстановлена гармония между сословиями. Только при этом условии Земский Собор мог бы стать выразителем мнения всей земли, подаваемого единым голосом составляющих ее сословий, отношения которых друг к другу являли бы пример братского единодушия и характеризовались бы гармонией, как это было в допетровские времена.

Необходимо отметить, что отказ основных представителей славянофильства от идеи Земского собора был также связан с доверием славянофилов к самодержавию и надеждой на то, что реформы, которые оно намеревалось провести, будут способствовать возвращению России на самобытный путь, соответствующий коренным устоям, основополагающим началам российской цивилизации и ими обусловленный. Веря в самодержавие как институт государственной власти, славянофилы надеялись, что при Александре II Россия окончательно оставит путь слепого подражания Западу и вернется на собственный, имманентно присущий ей самобытный путь развития, что должно явиться необходимой предпосылкой к гармонизации межсословных отношений. К личности и деятельности Николая I славянофилы находились в оппозиции поскольку он, хотя и перестал проводить начатую Петром I политику самодержавной европеизации России, был горячим поклонником Петра I и закрепил некоторые важные результаты его политики, имевшей следствием то обстоятельство, что России оставила свой исторический путь, вступив на тропу подражательства Западу, причем не только заимствуя полезное, но и перенимая западные начала вплоть до отказа от собственной национально-культурной идентичности.

Вне зависимости от субъективных побуждений, повлиявших на отношение основных представителей славянофильства к идее Земского собора – отказ от его созыва в обозримом будущем, это свидетельствовало об эволюции славянофильства и кристаллизации изначально содержавшихся в славянофильской доктрине консервативных начал. Дальнейшая эволюция славянофильства в этом направлении была обусловлена проводившейся самодержавной властью политикой реформ, в результате которой были устранены наиболее очевидные недостатки николаевской системы. Политика реформ в царствование Александра II, хотя и опиралась, в основном на западные образцы, но в отличие от реформаторской политики, проводившейся в царствование его дяди Александра I, все же в определенной степени учитывала российскую специфику. Тем не менее славянофилы в течение долгого времени жившие надеждой на возвращение России к своим духовным основам, только к концу царствования Александра II вынуждены были признать, что их ожидания были напрасными. «В 1860-е гг. ... жизнь России стала резко изменяться и отнюдь не в том духе, как представлялось славянофилам» [Каплин, 2008, с. 357]. Характеризуя развитие России в указанное царствование, И. С. Аксаков отмечал, что «петербургская государственная практика не только не двинулась далее по народному историческому пути, но еще пуще уклонилась на путь европейской политической жизни» [Аксаков, с. 223].

Изменение политики самодержавного государства при Александре II, проведенное в его царствование реформирование различных сторон жизни государства и общества привели к таким изменениям в стране, которые требовали соответствующих изменений в идеологической системе славянофильства. К создавшейся в России политической ситуации классическое славянофильство не смогло приспособиться и, пойдя на спад в 60-е гг. XIX в., на рубеже 60 и 70-х гг. XIX в. постепенно сошло на нет. В процессе трансформации славянофильства как направления российского консерватизма на смену раннему (классическому) славянофильству пришло славянофильство позднее, составляющей идеологической системы которого стал панславизм, не характерный для раннего славянофильства.

Определенный интерес к жизни славянских народов, прежде всего православных, проявляли и ранние славянофилы. События, приведшие к началу Крымской войны, усилили этот интерес, хотя самодержавная власть, вступая в войну, делала упор не на защиту угнетенных Турцией славян, составлявших большинство православных народов Османской империи, а на поддержку православного христианства, притесняемого турками. Ю. Ф. Самарин объяснял враждебную позицию Австрии, которую она заняла по отношению к России в Крымской войне, тем обстоятельством, что «как австрийцы, так и турки кормятся подвластными им славянами» [Самарин, с. 294]. Он подчеркивал, что предназначение России обусловлено тем, что она является страной «православной и славянской, поставленной Провидением во главе славяно-православного мира» [Там же, с. 310]. Тем не менее в идеологической системе ранних славянофилов славянский вопрос не был основополагающим, упор делался на православную христианскую религию и русское национальное начало. К. С. Аксакову вообще была присуща определенная настороженность в отношении славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы по причине их излишней подверженности влиянию западных либеральных идей, а также ввиду католического вероисповедания западных и части южных славян. Наибольшее внимание славянским народам Центральной и Юго-Восточной Европы из классиков славянофильства уделял А. С. Хомяков. В начале 30-х гг. XIX в. он являлся приверженцем панславизма, но постепенно отошел от него, и на рубеже 30 и 40-х гг. XIX в. панславистом уже не был, хотя и сохранил неподдельный интерес к южным и западным славянам.

Изменение политики самодержавного государства в отношении панславизма от его неприятия до всемерной государственной поддержки, оказав влияние на процесс развития дореволюционного российского консерватизма в целом, в наибольшей степени отразилось на характере славянофильской идеологии, в значительной мере определив направление ее развития в процессе трансформации славянофильства. Поздний славянофил Н. Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» изложил разработанную им теорию культурно-исторических типов (цивилизаций), обосновав идею общности славянских народов, составляющих, с его точки зрения, отдельный культурно-исторический тип. Он надеялся на то, «что славянский культурно-исторический тип в первый раз представит синтез всех сторон культурной деятельности в обширном значении этого слова» [Данилевский, с. 430]. В соответствии с этим положением Н. Я. Данилевский утверждал, что идею славянства русские должны рассматривать как высшую после Бога и Его Церкви, ибо без осуществле-

ния этой идеи, без духовно и политически самобытного славянства невозможно полнокровное развитие славянских народов, в том числе русского. Поздние славянофилы верили в мощный консервативный потенциал славянских народов. Надежды такого рода были присущи и ряду консерваторов, принадлежавших к иным направлениям дореволюционного российского консерватизма. Ранние славянофилы, подчеркивая своеобразие именно русского национального характера и российской цивилизации, полагали, что ее высшее назначение – решить общечеловеческую задачу, которой, по мнению поздних славянофилов, не существует вовсе. В этом заключалось одно из важнейших различий раннего (классического) и позднего славянофильства.

Поздние славянофилы рассматривали самодержавие как не только идеальный, но и как истинно русский государственный строй, ибо русский народ никогда не видел врага во власти, призванной им самим, и не желал ее ограничения. Если бы ограничение монархии в России все же произошло по доброй воле монарха или под давлением европеизированной интеллигенции, то русский народ по-прежнему продолжал бы считать монарха самодержцем и смотреть на своих выборных людей в парламенте как на советников монарха, «не придавал бы этим избранным иного смысла и значения, как подчиненных слуг царских, исполнителей его воли, а не ограничителей ее» [Данилевский, с. 284–285]. Если бы народ удалось убедить в том, что царская власть, действительно, ограничена, он стал бы бороться за ее восстановление в полном объеме и сам покарал бы тех, кто ее ограничивает. Подобно Н. М. Карамзину, славянофилы в царствование Александра II делали упор на то, «что полновластный Царь не властен лишь в одном: в отречении от своего полновластия, что, заменив основное начало русского государственного строя западноевропейской конституцией, он стал бы отступником от народного исторического пути, изменником Русской Земле, предателем своего народа» [Аксаков, с. 224].

Безусловно, «славянофилы были едины в критике конституционных форм ограничения монархии и тем более негативно оценивали республиканский строй» [Васильев, с. 31–32]. И все же славянофилы Николаевской эпохи при том, что они отстаивали необходимость самодержавия, не высказывались по данному вопросу так категорично, как это делали славянофилы в царствование Александра II. Поздние славянофилы являлись более ревностными приверженцами самодержавия по сравнению с ранними, отношение же к государству как неизбежному злу, необходимому лишь в силу несовершенства природы человека, позднему славянофильству не было присуще. Таким образом, отношение поздних славянофилов к самодержавной государственности является наглядным свидетельством того обстоятельства, что консервативные черты, свойственные мировоззрению славянофилов, в позднем славянофильстве проявлялись более четко, чем в раннем (классическом). В последующей «явное поправление стало характерным... для поздних славянофилов» [Русский консерватизм..., с. 224], и это обстоятельство имело определяющее значение для развития идеологии позднего славянофильства как направления российского консерватизма.

В этой связи важно отметить то обстоятельство, что трансформация славянофильства имела следствием изменение отношения к нему самодержавной власти. Если Николай I и Александр II, особенно в первые годы своего царствования, относились к славянофилам как людям, благонадежность которых вызывала сомнение, то Александр III, принимая у себя супругу И. С. Аксакова А. Ф. Тютчеву 25 марта 1881 г., охарактеризовал И. С. Аксакова следующим образом: «Он честный и правдивый человек, а, главное, он настоящий русский» [Тютчева, с. 344].

Поскольку позднее славянофильство оформилось уже в те годы, когда костяк революционеров составляли представители западной интеллигенции, именно слово «интеллигент» стало для поздних славянофилов синонимом наиболее ненавистного им слова «нигилист». У поздних славянофилов не было того недоверия к дворянскому сословию, которое было характерно для ранних славянофилов, хотя Н. П. Аксаков и относился к своему сословию с определенной настороженностью, да и другие славянофилы продолжали испытывать некоторые опасения по поводу дворянства в связи с тем, что в его рядах находились как либерально, так и «аристократически» настроенные представители. Более того, еще в 1862 г., призывавший к тому, чтобы дворянство самоупразднилось как сословие, И. С. Аксаков уже в 1865 г. в письме к А. И. Кошелеву, ведя речь об одном из идеологов «аристократического» направления российского консерватизма Н. А. Безобразове, счел необходимым одобрительно высказаться в связи с тем, что последний, «будучи выбран в гласные Петербургской Думы, как домовладелец, ... отослал назад в Думу бумагу об его назначении, написав, что он не домовладелец, а дворянин и с купцами ему, по смыслу Дворянской «неру-

шимой» грамоты не подобает. – Это мне даже нравится. – Тут есть искренность и смелость, – смелость потому, что в то время господствовал в обществе деспотизм либерализма и он подвергался за это в журналах самым бесцеремонным насмешкам и ругательствам» [Аксаков, л. 1 об.].

Данное обстоятельство вполне объяснимо, ибо раннее славянофильство сформировалось в те годы, когда именно представители дворянства, проникшиеся духом французских революционных доктрин, составляли подавляющее большинство российских революционеров, чего во времена зарождения позднего славянофильства уже не было. Поэтому свою антипатию к дворянам-революционерам ранние славянофилы переносили в определенной мере на все дворянское сословие, изменившее собственным национальным началам и пропитавшееся западным духом. Поздние же славянофилы в отличие от ранних намного больше опасались европеизированной интеллигенции, которую, с их точки зрения, вернуть на путь следования национальной традиции было гораздо труднее, чем дворянство. Это обстоятельство также придавало идеологии позднего славянофильства более консервативный характер в сравнении с идеологией классического славянофильства.

Таким образом, в позднем славянофильстве более четко проявились основные черты раннего славянофильства, черты консервативные, получившие дальнейшее развитие. Раннее славянофильство как направление дореволюционного российского консерватизма имело специфические черты, обусловленные российской действительностью петербургской эпохи и придававшие ему квазилиберальный оттенок. Позднее же славянофильство, несмотря на более настойчивое подчеркивание российской специфики, несовместимости России и Европы, в сравнении с ранним славянофильством, имело меньше специфических российских черт и больше общего с западным консерватизмом.

Главные особенности позднего славянофильства, которые отличали его от раннего (классического), явившись результатом трансформации славянофильства, были обусловлены изменением политики самодержавного государства после смерти Николая I. В частности, именно под влиянием изменения позиции самодержавия относительно славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы произошло включение в процессе трансформации славянофильства панславизма в качестве составляющей славянофильского учения.

Такая особенность развития дореволюционного российского консерватизма, как значительное влияние, которое оказывало на этот процесса самодержавное государство, четко проявилась и в процессе эволюции славянофильского направления российского консерватизма в пореформенный период, которая привела к трансформации славянофильства на рубеже 60 и 70-х гг. XIX в.

Библиографический список

- Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. М., 2008.
[Аксаков И. С.]. Письмо к Кошелеву А. И. от 17 января 1865 г.// НИОР РГБ. Ф. 327/II. Оп. . Ед. хр. 11.
Аксаков К. С. Записка о внутреннем состоянии России//Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М., 2002.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов. М., 2010.
Данилевский Н. Я. Горе победителям. М., 1998.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
Каплин А. Д. Мироззрение славянофилов. История и будущее России. М., 2008.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011.
Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881): ист. очерки. М., 1909.
Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов: Исторические очерки. СПб., 1909.
Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика/ под ред. В. Я. Гросула. М., 2000.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность. М., 2008.
Сладкевич Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века: Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации. Л., 1962.
Тютчева А. Ф. Воспоминания. М., 2002.
Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

Дата поступления рукописи в редакцию 01.03.2013

THE TRANSFORMATION OF SLAVOPHILISM AND THE AUTOCRATIC STATE IN THE 1860-1870S

I. A. Nemtsev

АССС “Coop-Doverie”, Gazety Zvezda str., 20, 614990, Perm, Russia
nanemtsev@perm.ru

The article deals with the process of Slavophilism's transformation and shows the dependence of that process on the change in autocratic state policy after the death of Nicolas I. The Slavophilism couldn't exist anymore in the form it had been formed during the rule of Nicolas I because the Russian society had moved to a different stage as a result of the Emancipation reform of 1861 and a range of other important reforms carried out by Alexander II. The author reveals the regularity of Slavophilism's evolution in the 1860-70s which led to its transformation. The author establishes the idea that the character and the direction of Slavophilism's evolution depended on the attitude of the Slavophiles toward the autocratic state. They were hoping that the authorities would return Russia to its original path which was conditioned by and collocated with the basic origins of Russian civilization. The author points out the features of the late Slavophilic ideology which distinguish it from the early (classic) Slavophilism and due to which the conservative essence of the Slavophilism was expressed more apparently in the late Slavophilism than it was in the classic one. Those features were mainly the result of the autocratic state's influence on the process of development of the pre-revolutionary Russian conservatism.

Key words: Slavophilism; autocracy; state; conservatism; policy; ideology; evolution; transformation; influence.

References

- Aksakov I. S.* Nashe znanya – russkaya narodnost'. M., 2008.
[Aksakov I. S.]. Pis'mo k Koshelevu A. I. ot 17 yanvarya 1865 g.// NIOR RGB. F. № 327/II. Op. №4. Ed. khr. № 11.
Aksakov K. S. Zapiska o vnutrennem sostoyanii Rossii//Byt' Rossii v blagodenstvii i slave: Poslaniya velikim knyaz'yam, tsaryam, imperatoram, politicheskim deyatelyam o tom, kak uluchshit' «gosudarstvennoe ustroenie». M., 2002.
Vasil'ev A. A. Gosudarstvenno-pravovoy ideal slavyanofilov. M., 2010.
Danilevskiy N. Ya. Gore pobeditelyam. M., 1998.
Danilevskiy N. Ya. Rossiya i Evropa. SPb., 1995.
Kaplin A. D. Mirovozzrenie slavyanofilov. Istoriya i budushchee Rossii. M., 2008.
Kaplin A. D. Slavyanofily, ikh spodvizhniki i posledovateli. M., 2011.
Kornilov A. A. Obshchestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855–1881). Istoricheskie ocherki. M., 1909.
Pypin A. N. Kharakteristiki literaturnykh mneniy ot dvadtsatykh do pyatidesyatykh godov: Istoricheskie ocherki. SPb., 1909.
Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika/ pod red. V. Ya. Grosula. M., 2000.
Samarin Yu. F. Pravoslavie i narodnost'. M., 2008.
Sladkevich N. G. Ocherki istorii obshchestvennoy mysli Rossii v kontse 50-kh – nachale 60-kh godov XIX veka: Bor'ba obshchestvennykh techeniy v gody pervoy revolyutsionnoy situatsii. L., 1962.
Tyutcheva A. F. Vospominaniya. M., 2002.
Tsimbaev N. I. Slavyanofil'stvo: Iz istorii russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX veka. M., 1986.